

Наталия Бегишева

Василёк

16+

Наталия Бегишева

Василёк

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Бегишева Н.

Василёк / Н. Бегишева — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Роман посвящён моему отцу и написан к 15-летию со дня его смерти. Василёк приезжает в город S и оказывается в круговороте событий. После удара молнией и драки, случившихся в детстве, с ним происходят странные видения. Неожиданно улетая во сне, он часто видит двух девочек, которые дают подсказки и в будущем сыграют важную роль для него. Но кто они, переплетающие сны и реальность? всю жизнь Василёк ищет родных своего рано ушедшего отца - героя войны, пытается больше узнать о нём. Случайная встреча с антикваром проливает свет на события далёких военных лет. Учась в школе-интернате, он встречает свою любовь. О ней мечтает, ей посвящает первые стихи. Судьба разлучает их на долгие годы и готовит немало испытаний, преодолеть которые им предстоит вместе. Несмотря на всё, Василёк находит себя, становится достойным мужем, отцом и профессионалом.

© Бегишева Н., 2020

© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

Предисловие	5
Глава I.	6
Глава II.	10
Глава III.	14
Глава IV.	17
Глава V.	21
Глава VI.	22
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Наталья Бегишева

Василёк

Предисловие

Дорогой читатель,

В этом романе описана история жизни моего отца и моей семьи, основанная на реальных событиях.

Как автор, я, безусловно, использую художественные приемы и прибегаю к вымыслу. За Вами остается право решать, что является правдой, а что есть плод воображения.

Мне захотелось рассказать эту историю, полную романтики и драматизма, часть которой я наблюдала и проживала сама, и сделать такой подарок папе – единственное, что могу подарить ему сейчас в день памяти и рождения.

Я сохраняю имена, использую фотографии из семейного архива, а так же рукописи моего отца и материалы о боевых подвигах деда, надеясь, что это может помочь найти родных с его стороны, которых папа всю жизнь пытался разыскать.

Благодарю свою маму и сестру за предоставленную для написания книги информацию. Отдельное спасибо за помощь и поддержку моей подруге Ольге Елей.

Искренне Ваша, NB.

Посвящается моему папе

Глава I.

1963 год. Встреча с девочками.

Вот уже несколько часов он играл в плохо освещенной мрачноватой комнате, потеряв связь с внешним миром. Мысли пульсировали в голове, методично и четко отсчитывая ход времени. Василий словно не замечал этого, просчитывая разные варианты игры, меняя последовательность карт, заново перебирая их в голове и складывая в новые схемы. Он напрягал память, стараясь не пропустить ни одного важного эпизода при раздаче колоды и сложившихся игровых комбинациях, вспоминая все детали, объединяя их в общую картину. Мало что могло ускользнуть от внимания пронизательных карих глаз, таких живых и умных. Глаза как магниты притягивали и будто гипнотизировали человека напротив, фотографируя его действия, эмоции и манеру игры, а мозг тут же запускал анализ. Будучи от природы весьма наблюдательным, он всегда смотрел на руки своего визави, которые при кажущейся внешней непроницаемости выдавали истинные эмоции и выходящие из-под контроля чувства.

Это был молодой крепкий парень невысокого роста, с темными, затейливо уложенными кудрявыми волосами, внешне похожий на французского киноактера. Он родился в простой деревенской семье, и Бог щедро одарил его талантами и незабываемой энергетикой. Все, за что ни брался этот борец за справедливость и, одновременно, дерзкий хулиган, в большой степени превосходило ожидания – будь то интеллектуальные шахматы, бильярд, азартные игры, написание стихов или ремонт сложных механизмов: радио или модных в то время советских автомобилей. Он был ловок во всем, любознателен и открыт миру: с жадностью погружался в новое дело, изучал его до мелочей, а потом доводил свой навык до совершенства; делал это легко, играючи, с таким вкусом и азартом, что со стороны любое начинание казалось легким пустяком и всем хотелось попробовать так же. Свою главную миссию Васильку, так звали его в семье, еще только предстояло выполнить – то, зачем он пришел в этот мир, о чем пока не догадывался, но где-то втайне и подсознательно уже мечтал. А пока, смакуя успехи и очаровывая всех вокруг, он покорял город, в который перебрался после окончания школы.

Лицо его соперника от волнения и затянувшейся партии было покрыто испариной. Он явно нервничал, теребил в руках карты и промокал выступивший пот мятым носовым платком в клетку. Игрок слыл неприятным типом и имел большой опыт картежных побед. В начале знакомства и игры он не относился всерьез к молодому красавчику, считая его слишком уверенным и наглым, и потому для него было делом чести «щелкнуть по носу» новоявленного везунчика, но судьба дала другой поворот. В конце партии произошел неистовый накал, изменивший ход игры целиком: карта ему не шла и, как нарочно, всю мощь сконцентрировал в своих руках этот кареглазый. Василий, знавший вкус победы, почувствовал его и сейчас – ни с чем несравнимое, знакомое с детства ощущение. Он понял, что поймал удачу и, внутренне ликуя, бросил последние три карты открыто на стол.

Внезапно он ощутил то, что испытывал несколько раз во время службы в армии, когда затмевающее сознание волнение, сродни легкому опьянению, уносило его в манящую даль. Василий летел, словно птица, навстречу солнцу, и только хрусталь мыслей, которые потом выдавала память, являлся свидетельством правдивости и настоящести совершенного полета. И вот сейчас – в момент такой важной для него победы и предстоящего триумфа – его вдруг откинуло назад, легким ветерком закрыло глаза, и он с удовольствием унесся туда, чтобы снова увидеть яркие живописные пейзажи и парить, парить над землей. Он смотрел на все со стороны, чувствовал себя легким мечтательным перышком, озаряясь новыми мыслями и открытиями, так удивительно и естественно переплетающимися в его сознании сон и явь. Летая, он часто видел двух маленьких девочек, почти одного возраста и роста, похожих и очень разных одновременно. Тогда его охватывало незнакомое прежде щемящее чувство радости и безуслов-

ной любви, которое он не мог себе объяснить и стеснялся в этом признаться. И каждый раз, вновь улетаая, он ждал этих видений больше остальных, искал девочек глазами, наслаждался их детской чистой красотой и умиротворенный возвращался назад.

Сегодня, заранее зная, что увидит их снова, он был охвачен волнительным ожиданием. Он интуитивно чувствовал важность и судьбоносность этих встреч, хотя еще не понимал причину и глубину своих зарождающихся способностей, которые впоследствии откроют для него мир новых помыслов и ориентиров.

«Голубая небесная гладь распахнула ему свои нежные объятия, расстилаясь и уходя далеко за горизонт. Пушистые облака принимали причудливые формы, неожиданно меняя силуэты, то изображая сказочных персонажей, то проносясь мимо в виде современного реактивного самолета, оставляя после себя долгий след. В воздухе звенела прохладная свежесть, приятно оттененная запахом травы и цветов. Зеленый луг был окаймлен небольшими деревцами, за которыми густо разрастался лес. Стояла чудесная погода, когда природа красуется в ярко-зеленых молодых одеждах и блаженно излучает все свое величие, так радуя человеческий глаз. Василек парил высоко в небе, вдыхая полной грудью и наслаждаясь красотой райских картин. Только сейчас, увидев внизу родник, он тотчас понял, что испытывает жажду и мечтает о ледяном глотке кристально чистой воды. Это, пожалуй, было единственным, что отвлекало его от полного наслаждения полетом.

Не спеша, он спустился на землю, скинул темно-коричневые узконосые, популярные у стилига, ботинки, подвернул брюки-дудочки и закатал рукава. Ворот белой рубашки был всегда расстегнут, а волосы разметало легким ветром. Все в его виде говорило о молодом, пышущем здоровьем бунтаре с дерзким и смелым характером, сочетающим сильные мужские черты и привлекательность. Мало кто мог выдержать пронзительный взгляд его карих глаз и устоять перед обаянием легкой улыбки красиво очерченных губ. Василек знал про свой врожденный магнетизм и с малых лет умело им пользовался. Он производил магическое впечатление на всех женщин, которые даже случайным образом оказывались в зоне его видимости. С одной стороны, такое всеобщее поклонение и очарованность им ему льстила, с другой – он не придавал этому большого значения, не считая чем-то серьезным и важным для себя. Ему нравилось больше находить общение со взрослыми людьми, внимательно слушая и постигая философию жизни, учиться у них мудрости и профессионализму, завоевывать авторитет правильными благородными поступками. Так он восполнял недополученную любовь, ласку и заботу рано ушедшего из жизни отца, отца – героя великой войны и его кумира на всю жизнь, в честь которого он получил свое васильковое имя и удмуртскую фамилию. С шести лет он мысленно общался с ним, скучая, плача, ища поддержку, прятался в уединенном секретном месте и рассказывал про все тяготы послевоенного детства, про маму и отношения с отчимом, про Гальку – любимую сестру, с которой был очень похож внешне и всю жизнь имел незримую братскую нить. Он рассказывал даже о своих новых ощущениях и полетах, не понимая суть происходящего и ожидая мудрого отцовского совета. Этот диалог давно стал привычным и необходимым, такой жизненно-важной частью его самого – диалог настоящего отца и сына.

Мысли воспоминаний вихрем пронеслись у него в голове, не оставив и следа на безмятежном лице, чуть покрытом золотом волжского солнца, таким еще нежным в это время года. В лесу тем временем заливались птицы, и этот импровизированный многоголосый хор на свой птичий лад исполнял шедевры классической музыки. У Василька вдруг закружилась голова, он ускорил шаг к роднику, набрал в ладони воды, хлебнул и стал жадно пить большими глотками. Пил долго, вкушая и смакуя каждую каплю, потом умылся, намочил волосы, пригладив непослушные вихры волос. Он присел в тени густой кроны дерева, уютно облокотившись о могучий ствол, запрокинул голову и почти задремал. Ничто не могло помешать раствориться в моменте окутавшей его томной неги. Но едва слышный неподалеку детский смех колокольчиком разбудил его, заставил встрепенуться, подняться и идти босиком по траве, приятно щекочущей

ноги. Солнце стреляло нежными лучами сквозь деревья, переливаясь разноцветной радугой, светило в глаза, отчего он жмурился и улыбался звонким переливам голосов.

Они сидели на лужайке в льняных белых сарафанах, красиво расшитых узорами, весело переглядывались и с задором плели венки из желтых одуванчиков. Высокая трава почти скрывала их маленькие фигурки, заметить и различить которые можно было по доносившемуся заразительному смеху. Василек с улыбкой подошел ближе, чтобы внимательно рассмотреть девочек. Своей хрупкостью и изяществом они напомнили ему китайские фарфоровые статуэтки, которые он видел когда-то в антикварной лавке, гуляя по улочкам города S, разведывая и случайно находя интересные места. Та, что постарше, была с короткой стрижкой соломенного цвета выгоревших волос, чьи непокорные пряди ложились крупными завитками и доставляли немало хлопот их владелице. Светлые волосы и одежда подчеркивали медовый цвет и бархат ее кожи. Она первая сотворила венок и быстро водрузила его на голову, аккуратно заправив все выбившиеся кудри. Подняв свои большие карие глаза, увидела приближающегося незнакомого человека, застыла и что-то прошептала второй девочке. Та с ангельской кротостью тоже посмотрела в его сторону и устремила все свое внимание на разноцветную бабочку, севшую на ее плечо.

– Привет, красавицы, как жизнь молодая? – весело крикнул Василек, подойдя совсем близко.

От неожиданной легкой веселости его тона они растерялись, чуть покраснели, и старшая взяла инициативу:

– Здравствуйте, присаживайтесь отдохнуть! У нас тут и муравьиный сок имеется! – девочки хитро посмотрели друг на друга и расплылись белозубыми улыбками на загорелых лицах.

Только сейчас он заметил небольшую горку муравейника рядом и две палочки, на которые они собирали муравьиный сок. Василек не заставил себя долго уговаривать, быстро нашел веточку, смочил слюной и запустил в муравейник. Эта забава ему была знакома с детства. Меж тем младшая девочка доплела свой венок и попросила заплести ей две косички. Она была редкой необычной красоты, той самой, которая навсегда остается неизгладимо в памяти у каждого, кто встречал ее хоть однажды. Густые каштановые волосы обрамляли высокий лоб с четким контуром бровей и тяжелыми волнами падали на плечи. Самым поразительным в ее лице было сочетание смуглой матовой кожи, перелива темных волос и цвета глаз, отражающих глубину и бездонность серо-голубого моря. Эти глаза с легкой грустинкой, как у взрослого, умудренного жизнью человека, таинственно хранили секрет маленькой девочки. Василек не мог отвести свой взгляд, смотрел и смотрел, не зная, что сказать, не находя нужных слов. Его пронзали незнакомые чувства единения и родства, он чувствовал связь с этими ставшими отчего-то родными детьми. Он вынул палочку из муравейника, облизнул и поморщился от кислого вкуса во рту.

– Что вы тут делаете одни, не страшно? – решил он продолжить разговор.

– Не страшно, мы под защитой! Король спасет даму! – после некоторой паузы сказала младшая девочка с бабочкой на плече, которая, по всей видимости, и не собиралась улетать.

Василий не ожидал такого ответа, поперхнулся кислотой муравьиного сока, и чтобы не выдать свое волнение, заторопился. Ему вдруг захотелось что-то им подарить, оставить память о себе и об этой встрече, он поискал глазами вокруг и увидел сквозь траву крупные бутоны цвета ярко-синего неба – васильки, торопливо сорвал два больших цветка и вернулся.

– Это вам, маленькие принцессы! – Василек подошел к каждой и с несвойственной робостью и почтением склонил голову, у него приятно защемило в груди.

– Спасибо! Мы еще увидимся! – они с детской непосредственностью вскочили и, обняв худенькими ручками за шею, в искреннем порыве поцеловали в щеку.

Молодой парень был растроган и тронут до глубины души, глаза его увлажнились, он быстро пошел к тому дереву, под сенью которого недавно отдыхал, чтобы обуться и лететь назад. Ему снова захотелось пить. Дойдя до места, он скоро сделал несколько живительных глотков, присел на землю, и серая дымка пережитых эмоций окутала его вновь».

– Что с тобой, дружище? Просыпайся!

Василий очнулся от голоса резких ударов по лицу, приводящих его в чувства, и воды, которая лилась откуда-то сверху. Он лежал мокрый на диване в той самой плохо освещенной мрачноватой комнате в расстегнутой белой рубашке с закатанными рукавами, волнуясь, над ним склонился этот тип, соперник по картам. Василий не понимал, сколько времени провел в забытии, и чем закончилась столь важная для него игра. Осторожно привстав на локтях, он посмотрел на стол и увидел там пачку денег – его выигрыш.

Глава II.

1956-57 годы. Сашенька. Драка.

Сашенька была белокурой зеленоглазой девочкой с тонкими запястьями и щиколотками, которой, благодаря длинным музыкальным пальцам, пророчили творческую карьеру пианистки. Маленькая и худенькая, она казалась младше своего возраста. В семье ей выпала очередь родиться пятой, самой младшей. Два старших брата Вася и Витя очень любили ее и, несмотря на разницу в долгих восемнадцать и четырнадцать лет, всегда играли, смешили и баловали редкими сюрпризами. Она обожала сестер Женю и Раечку, которые считали ее «хвостиком» и дружили со своими ровесниками. Подруг возраста Сашеньки в деревне не было, ей было одиноко, но она научилась обходиться своей прекрасной компанией. С детства занималась легкой атлетикой, научилась всем видам рукоделия, была скромным любознательным ребенком и всегда очень тянулась к знаниям. Учеба увлекала ее больше всего на свете и была главным занятием и лучшим другом в жизни маленькой мадемуазель. Она любила мечтать, согреваясь снежной зимой в разноцветных лоскутах одеяла на печке, искренне верила в добро и была очень ранимой. Когда лето согревало своим теплом, она убежала далеко за огород и пряталась в стоге сена, вдыхая пряный аромат травы. В своих детских мечтах ей рисовался образ благородного героя, которого она, прикрыв зеленые глаза с густой линией ресниц, живо представляла, фантазийно наделяя самыми лучшими качествами:

«Сегодня рыцарь в доспехах Дон Кихота отомстит Вовке Филиппку, бросившему в лицо нежной девочки репей, шрам от которого останется на носу Сашеньки на всю жизнь. Вчера она нашла букет любимых белых хризантем, аккуратно перевязанных красивой бечевкой и сложенных с запиской-признанием от своего поклонника, на пороге их деревянного дома. Завтра он приедет за ней на велосипеде и промчит с ветерком через холмы деревень так, что у нее захватит дух, и она сможет лишь дрожащими руками и узкими коленками держаться за его крепкую мускулатуру, сидя на сиденье сзади. Он будет приезжать к ней и встречать из школы».

А пока, в ожидании своего героя, Сашенька каждый день проделывала непростой путь за новыми знаниями, длиной в шесть километров в одну сторону, вдоль железнодорожных путей и густого леса. В ее родной деревне I в школе учили детей только до четвертого класса, поэтому в любую погоду, осенью и весной, хрупкая беззащитная девочка шла одна полтора часа в школу днем и возвращалась темным вечером обратно, учась во вторую смену. Зимой она жила в школьном интернате станции К, и так продолжалось долгих четыре года.

В шестой класс тринадцатилетняя Сашенька пришла после летних каникул заметно изменившаяся внешне: она стала выше ростом, ее стройность и подтянутость еще больше подчеркивали тренированные бегом ноги с красиво прорисованными икрами. Отросшие кудрявые волосы она научилась укладывать в незатейливую прическу, как у сестры Жени, заплетая косички и украшая их лентами пастельных тонов. Она чувствовала свое взросление, немного переживала и стеснялась из-за этого. Но самое главное – Сашенька стала излучать невероятно нежную женственную красоту, словно подсвеченную изнутри. Это не могли не заметить и оставить без внимания придиричивые юношеские глаза повзрослевших за лето одноклассников и мальчиков из старших классов.

Когда в один из дней в начале сентября, Сашенька столкнулась взглядом в школьной библиотеке, в которой отобрала несколько томиков зарубежной литературы, с хулиганистого вида кареглазым пареньком из седьмого класса, сверкнувшая искра их глаз пронзила ее в самое сердце. Он ждал вечером после занятий и предложил прокатиться на велосипеде домой. Все случилось так, как рисовало ей воображение в удивительных мечтах: они понеслись с ветерком через холмы деревень. Сердце билось громко и часто, а ветер движения превращал юбку школьной формы в звенящий колокол, отдающий радостным эхом в ушах. Сашеньке было

так хорошо и легко на душе, что хотелось петь, и она чувствовала себя героиней в шляпке с вуалью из черно-белого французского кино, которое недавно смотрела с сестрами в клубе. «Длинный» путь в несколько километров занял полчаса времени и отпечатался в ее памяти на долгие годы жизни – он отпечатался в ее памяти навсегда. Она запомнила все подробности этого маленького яркого путешествия, мостиком перекинувшего ее в будущее и положившего начало большой любви.

Василек жил в селе К недалеко от деревни Сашеньки, которые разделяло два холма и пять километров проселочной дороги. Он приезжал к ней на велосипеде, затем, повзрослев, купил на заработанные в каникулы деньги мотоцикл. Их встречи вне школы на протяжении трех лет были нечастыми, но всегда нежными и трогательными. Он любил ее удивлять, появляясь неожиданно в разных местах, уверенно брал за руку и уводил в неведомый мир романтики, мечтаний и грез. Небольшой знак внимания, сделанный и облаканный в лучах его душевной щедрости, превращал каждый день скромной девочки в событие: старинная открытка или записка, стихотворно подписанные витиеватым почерком, найденные вдруг в самом непредсказуемом месте; полевой цветок, вложенный в книгу и не исчезнувший со временем, а навсегда сохранивший свою суть и значение; или черно-белая фигурно вырезанная фотография с изображением примерного ученика средней школы в вельветовом костюме, с белоснежным воротником и значком на груди слева, на обороте подписанная чернилами:

«На память другу Шуре от друга Васи.

Шура, не забывай меня, т.к. это важно для тебя и для меня.

Шуре от Василия».

Сашенька благодарно принимала все сюрпризы; не будучи избалованной и привыкшей к таким внезапным вспышкам внимания и заботы, очень смушалась, ей хотелось щедро одарить Василька, ответить взаимностью и наградить его со всей силой зарождающегося чувства.

Однажды летним воскресным утром она проснулась раньше обычного, чтобы успеть к завтраку испечь ароматный хлеб, сделать обожаемую яичницу-глазунью, посыпать ее свежей зеленью, сорванной в огороде, и заварить травяной чай с мятой. Родители и сестры уехали в город на рынок, оставив Сашеньку главной хозяйкой в доме. Она заранее подготовила дрожжевое тесто, просеяв и смешав муку с водой, добавила щепотку соли и сахара, ей оставалось только уложить его, настоявшееся и ставшее живым, крупно пузырящееся, в форму и отправить в печь. Она делала все неторопливо под спокойную мелодию, доносящуюся из настроенного радиоприемника, словно боясь ошибиться и пропустить важное в процессе приготовления. Принесла из мазанки десяток яиц, кувшин холодного молока и домашнее масло, нарвала зелени. Большая печь, делая свое дело, стала распространять по дому запах свежее испеченного хлеба, до готовности которого оставалось совсем немного времени, как в дверь постучали, и тут же она отворилась с силой и энергией ворвавшейся молодости. Василек вбежал румяный, запыхавшийся, одетый в нарядную рубашку, сшитую матерью-портнихой к специальному торжественному случаю, пряча за спиной букет полевых цветов, которые успел собрать по дороге:

– Саша, Сашенька, Шуренок! Доброе утро! Какой сегодня чудесный день, срочно гулять! – он приобнял ее за талию и вручил букет.

– Привет, Василь! Сначала позавтракаем, а потом погуляем! В клубе – кино про укротительницу тигров, пойдем? – предложила она.

– Только укротительницы мне еще не хватало, я и сам как тигр! – смеясь и изображая, прорычал он.

Кино было ее большой страстью после учебы и чтения книг. Она полностью растворялась в сценах, увиденных на экране, каждый раз примеряя на себя новые образы актрис в красивых нарядах, робко и несмело представляла, как гуляет по улицам Москвы или Парижа, для пущей роскоши укрывая плечи меховым манто и небрежно куря сигарету через мундштук. Редким

моментом оставаясь одна в доме, она репетировала театральные позы перед зеркалом, красиво закидывая ногу на ногу, прямо держа спину и вытягивая и без того длинную шею. Ее музыкальные пальцы были украшены кольцами с крупными камнями, а ногти обязательно покрыты красным лаком, как у мадам Шанель, про которую она узнает много позже.

Наконец они сели за стол. Сашенька разложила по тарелкам глазунью, спрятала ее под зеленым покрывалом порезанной петрушки, отломив большой кусок только что испеченного, еще горячего хлеба и густо намазала маслом. Заботливо передала сделанный бутерброд своему гостю и повторила такой же для себя. Смотреть, как ест Василек, было для нее большим удовольствием. Он делал это вкусно: с неподдельным аппетитом, иногда причмокивая и без стеснения облизывая пальцы, пусть и нарушая общепринятые правила этикета. Его искренность и непосредственность брали в свой плен, хотелось делать то же самое, со вкусом получать удовольствие и наслаждаться простой едой, заражая окружающих. Они долго сидели за столом, ели и пили, сначала – чай, потом – молоко, макая в него хлебный мякиш, смеялись и снова пили чай.

Сашенька ненадолго отлучилась, оставив друга одного. Она придумала для себя новый образ, которым хотела окончательно и бесповоротно очаровать Василька. Для этого ей понадобилось немного фантазии, три дня времени, отрез голубой ткани, скучающий и забытый мамой в шкафу. Позаимствовав незаметно у сестры Раи самое романтичное платье цвета чайной розы с рюшами и рукавами-фонариками, на которое она накинула легкую вуаль лазурного пальто, собственноручно сшитого на машинке «Zinger». Ноги украшали аккуратные белые туфельки, подаренные старшим братом и нежно обутые на кружевные носочки. Завершающим штрихом был шифоновый платок, в палитре которого художественно соединились и небесная гладь, и розовая дымка, и, казалось, аромат белой акации.

– Ох, какая ты, – Василек замер, на мгновение растерялся и не мог найти подходящее слово, – красивая! Очень красивая, моя Сашенька!

Он лихо подхватил ее легкую воздушную фигурку, приподнял на руках и закружил в спонтанном танце под медленно звучащие из приемника, как из патефона, слова песни:

«...Если бы тебя я в этот вечер встретил, где же ты, желанная, почему молчишь?»¹

Сашенька смеялась, запрокинув голову, нежно обнимала его за руки и плечи, спрятанные в ладно сидящую рубашку персикового цвета, так красиво оттеняющего кожу. Юные и счастливые, они выскочили на улицу, побежали, запрыгнули на мотоцикл и понеслись, понеслись навстречу новому дню, новым событиям и радостям. За этим чистым и по-детски рождающимся чувством, отсутствием видимых препятствий и кажущимся спокойствием, реальная жизнь уже готовила серьезные испытания, которые им предстояло преодолеть вместе.

Весь день до самого вечера они провели на природе: гуляли, исследуя давно знакомые деревенские просторы, забирались на высокие холмы и вихрем сбегали вниз, находили заброшенные дома, представляя себя хозяевами, и даже забрели на старое кладбище, разгуливая по которому рассматривали потертые временем фотографии и придумывали истории жизни их владельцев.

Незаметно близился вечер, и нужно было возвращаться, чтобы успеть перекусить на ходу перед кино. Пропустить новую киноленту Сашеньке не хотелось. Василек был не таким фанатом кинематографа, но отказать подруге не мог, поэтому с удовольствием поддерживал ее компанию. Они нашли оставленный еще утром мотоцикл и помчались в деревню, по пути заехав в сельмаг за легким перекусом. Уже смеркалось. Уютно расположившись на свободной лавочке рядом с клубом, пришел черед Василька угощать свою спутницу. Он ловко расстелил газетную скатерть, сделал несколько бутербродов из черного хлеба и докторской колбасы, предусмотрительно порезанной еще в магазине, к ним по задумке полагалось несколько помидор-сливок,

¹ – песня Михаила Глебова «Где же ты, желанная».

которые они смачно кусали и макали в крупную соль, горкой лежащей прямо на «скатерти». На десерт шеф предложил запивать пряники газировкой прямо из бутылки. Они ждали начало сеанса и беззаботно болтали обо всем.

– Эй, закурить не найдется? – вдруг неожиданно раздалось позади.

Василек обернулся, увидев трех парней лет девятнадцати, вполне боевого вида с недовольно выпяченными челюстями на хмурых лицах.

– Шурка, это твой ухажер что ли?! Откуда он взялся?

– Я – Бегишев, живу в К. Не курю. Будьте любезны, представьтесь и вы, господа! – по-военному отчеканил с нескрываемой иронией Василек, он умел произвести впечатление.

– Чего? Ты еще и дерзить вздумал? – эти трое с недоумением переглянулись. – А ну, пошли поговорим!

Они медленно потянулись друг за другом, обходя клуб сбоку. Василек встал, расправил и размял плечи, уже предвидя сценарий развития событий и реально оценивая свои возможности. Сашенька не могла остановить его в решимости, оглядываясь, искала глазами подмогу. Недалеко, метрах в ста от клуба она увидела в свете фонаря две приближающиеся мужские фигуры, смутно напоминающие друзей старшего брата, которых знала в лицо, но не была знакома, и бросилась со всех ног к ним навстречу.

– Там друга моего избивают, пожалуйста, помогите! – выпалила она со страху. – Я – Саша Храмова, если вспомните, сестра Виктора.

Молодые мужчины без слов побежали за ней. Уже приближаясь, Сашенька услышала за углом приглушенные стоны. Василек лежал на асфальте без сознания с разбитым в кровь лицом, он был серьезно ранен. Присев на коленях рядом, судорожными движениями она достала платок, стараясь остановить кровь и не причинить ему боли. Два спасателя, запыхавшись, подоспели вовремя, мгновенно оценив опасность ситуации, один кинулся преследовать негодяев, второй побежал вызывать скорую помощь. Время считало свои минуты.

По счастливой случайности все сложилось благополучно. Машина скорой помощи в тот момент находилась в деревне, чтобы захватить фельдшера, который отправлялся на дежурство в районный поселок. Издалека увидев заветный ПАЗик, друг Виктора организовал экстренную доставку Василька в районную больницу станции Т, где за его жизнь боролись реаниматологи. Молодой организм быстро шел на поправку и скоро о полученной травме напоминали лишь частые головные боли и «небольшое костное вдавление в области правого лобно-височного шва как следствие закрытой черепно-мозговой травмы, полученной в результате ушиба головы металлическим предметом во время уличной драки», согласно сухому медицинскому заключению.

Пройдет совсем немного времени, и тем же летом с четырнадцатилетним Васильком случится новое потрясение, во многом объясняющее его необычные способности.

Глава III.

1963 год. Знакомство с Иннокентием Львовичем.

Выиграв n-ную сумму денег, Василек не испытал волнительную радость по этому поводу, его опять потрясли и в большой степени взволновали случившиеся в финале игры видения и полная потеря контроля над собой. Увиденные образы милых девочек даже порадовали, тем более – он впервые имел возможность с ними говорить. Он не верил в предчувствия и непонятные мистические знаки, весьма прагматичный рациональный ум требовал логичного объяснения, которого он пока не находил. Раньше, когда служил в армии и мучился долгими приступами мигрени, подобные полеты, уносящие его в параллельную реальность, периодически случались с ним, но не рождали никаких вопросов. Он принимал их как следствие травмы головы и сопутствующую сторону болезни, из-за которой в дальнейшем был комиссован со службы, а с недавних пор – стал больше задумываться, философствовать и даже допускать мысли о таинстве исповеди в храме.

Как бы то ни было, сегодняшним вечером Василек запланировал банкет в ресторане, что в центре города S на Вольской. Он был там завсегдатаем и любимцем: у официанток в белых накрахмаленных фартуках – за щедрые чаевые и блестящие глаза, у музыкантов ансамбля, исполняющих живую любой репертуар от джаза до шансона, – за совпадение музыкальных вкусов и щедрые чаевые, у постоянной публики – снова за щедрость в виде презентов «От нашего стола – вашему» и веселый нрав. Он всегда знал, чтобы водились деньги, их не нужно жалеть, легко с ними расставаться, не забывая про искреннюю помощь нуждающимся и близким людям, при этом строго планируя, откладывая и не позволяя себе долгов. Такова была простая финансовая философия Василька, к которой он пришел интуитивно сам и которая его в дальнейшем никогда не подведет.

Он возвращался после игры путаными тропами улиц, шел наугад, не глядя, чтобы выйти на набережную Волги, глубоко вдохнуть там свежий речной воздух, присесть в кафе и с удовольствием ощутить на губах вкус жигулевского пива и его пушистой белой пены. Задумавшись, Василек не заметил большой камень на пути, споткнулся, подвернул ногу в лодыжке и чуть не упал. Сохранить равновесие ему помог поравнявшийся рядом интеллигентного вида старичок с бородкой и дорогой тростью в руке.

– Аккуратнее, молодой человек! Вы же не хотите стать таким хромоногим, как я? – чуть картаво произнес он, подмигивая.

Василек сам любил пошутить, обладая прекрасным чувством юмора, и уважал это качество в других, считая признаком ума.

– Спасибо Вам, пока не хочется!

– Ну, что же, заходите тогда на огонек, приглашаю! – старичок гостеприимно распахнул дверь маленького магазинчика, которую Василек и не заметил в своих размышлениях.

– Не откажусь!

Неожиданно оказавшись гостем, он стал осматриваться вокруг и к собственному удивлению обнаружил, что как будто уже бывал здесь. По стечению обстоятельств это оказалась та самая антикварная лавка, в которую он случайно забрел когда-то, гуляя по

городу, и где впервые увидел фарфоровые китайские статуэтки.

– Милости просим! Иннокентий Львович Брковский, – представился хозяин.

– Очень приятно, Василий, – он немного смущался, чувствуя себя некомфортно в такой атмосфере.

Антиквариат, пронизанный вековой историей, бронза статуэток, полотна известных картин, вычурный изгиб и позолота ножек кресел, их жаккардовая обивка – все вызывало в нем неподдельный интерес, но он не чувствовал себя частью всего, окружающего в данный момент,

у него не хватало ни знаний истории культуры, ни духовной тяги обладать предметами искусства и старины. Несмотря на это, Василек подошел к витрине с восточными фарфоровыми куклами – китайскими статуэтками. Глаз сразу остановился на одной из представленных – две сидящие в разных позах девочки, удивительным образом напомнившие тех, которых он видел сегодня в своем странном видении.

– Мне нравится эта! Можно посмотреть поближе?

– Вам, мой милый друг, можно все!

Иннокентий Львович аккуратно достал статуэтку, обмахнул ее легким велюром ткани, поднес на вытянутой руке к свету и, любуясь, молвил:

– Василий, вы выбрали редкий экземпляр, знаете эту легенду?

– Стыдно признаться, не слышал.

– Присядьте, я вам расскажу! – он усадил Василька на обтянутый бархатом винного цвета диван, который простой деревенский парень мог представлять разве что в качестве музейного экспоната.

Какая-то необъяснимая причина заставляла Иннокентия Львовича вдруг испытывать большую симпатию к этому молодому человеку. Он задумался, и, не найдя понятного объяснения, начал свой рассказ:

– С глубокой древности китайцы восхищались красотой и изяществом бабочек. Представления предков о бабочках связаны с наиболее значимыми для человека понятиями, такими как жизнь, душа, любовь, счастье. Бабочка в Китае – символ веры, надежды и любви. Вы же заметили на плече этой девочки бабочку?

Василек чуть не подпрыгнул на диване от волнения, увидев только сейчас эту важную деталь и не понимая, как мог не заметить этого раньше. Он выбрал статуэтку интуитивно, не видя бабочку, а прозвучавший вопрос можно было отнести и к самой статуэтке с нарисованной на плече бабочкой, и к девочке из его видения. От всех мыслей его бросило в жар, и он попросил воды. Иннокентий Львович вернулся с хрустальным фужером, наполненным до краев холодной водой, в который положил два листочка мяты для вкуса. Себе же он позволил ароматный армянский напиток цвета темного янтаря, прикрыв им дно пузатого коньячного бокала.

– Итак, согласно учению великого китайского мудреца-философа Чжуан-цзы, сон является воплощением мечты человека о счастливой жизни, мгновенной и яркой, словно блеск молнии. В ином философском сне сливаются границы между реальностью и фантазией.

Невозможно было передать словами чувства, которые испытывал Василек, слушая Иннокентия Львовича, – все, о чем говорил старичок сейчас, вызывало у него дрожь и волнение, и не могло быть случайным совпадением.

– Так вот, однажды Чжуан-цзы увидел сон, где он был бабочкой, весело порхающей без забот обо всем человеческом, но вдруг проснулся и понял, что это был всего лишь сон. Тогда он подумал: «Был ли я до этого человеком, которому снилась бабочка, либо я сейчас бабочка, которой снится сон, что она человек?» Этот философский казус на сегодня уже является классическим, Василек. Что вы думаете по этому поводу?

Он вздрогнул опять, кроме услышанной легенды, Иннокентий Львович, которому Василек представился полным именем, назвал его так, как называли только близкие люди. Откуда антиквар мог знать об этом, вопросов было больше, чем ответов.

– Я хочу купить у Вас эту статуэтку, можно? – только и смог произнести он.

Иннокентий Львович посмотрел на Василька долгим изучающим взглядом, словно хотел распаковать и увидеть, что кроется у того внутри, выдержал паузу в несколько минут, выпил большим глотком оставшийся в бокале коньяк и сказал изменившимся голосом:

– Нет, купить нельзя. Я вам ее подарю.

Василек был так тронут, искренне не веря в происходящее и не понимая, чем заслужил такое расположение своего нового знакомого, про которого час назад даже не знал. Он не мог предположить, сколько стоит эта вещица, и какова ее ценность для Иннокентия Львовича.

– Спасибо, Иннокентий Львович! Как я могу Вас отблагодарить?

– Ничего не нужно, мой друг, просто заходите иногда наведать и поговорить! – он упаковал статуэтку в бумагу и передал сверток Васильку.

Глава IV.

1957-60 годы. Выпускной вечер.

После той злополучной истории появляться Васильку в деревне Сашеньки было опасно. Команда местных недоброжелателей значительно разрослась по составу и была настроена воинственно из-за предпринятых мер против троих нападавших. Сашеньку спасало присутствие в ее жизни взрослых братьев и их друзей, в лице которых она нашла серьезную защиту и прикрытие. Василек быстро восстановился после нанесенных травм, шрам на лице прибавил ему мужественности, но стал страдать от сильных головных болей.

Они продолжали романтично встречаться и радоваться друг другу после школы, гуляя в ее окрестностях и посещая иногда поселок Т. Василек набрасывал на плечи Сашеньки свой пиджак, защищая не только от погодных невзгод, с ним она растворялась в спокойствии и чувствовала себя счастливой. Жизнь шла своим размеренным ходом, плавно перелистывая очередную страницу на календаре учебного года. На школьном горизонте заключительным весенним флажком обозначился месяц май со своими выпускными экзаменами и торжествами. Василек заканчивал восьмой класс и на дальнейшие два года учебы переезжал в интернат на станцию Т, где ему и предстояло получить аттестат о среднем образовании, Сашенька шла по его стопам с разницей в один год.

Целый год они учились в разных местах, почти не видясь и скучая, писали друг другу длинные письма. Василек открыл в себе поэтический дар и, погружаясь в новые состояния, рождающиеся воображением пленительные образы своей музыки, страдая и мечтая о встрече, писал наивные первые строки о любви:

«Мое ты милое создание, как больно и обидно мне!
Всю жизнь свою и созерцанье я посвятил только тебе,
Как долго я бродил без дела, и много было у меня забот,
А счастье мир весь облетело и постучало у ворот!»²

Окончание 8-го класса Сашенька отметила хорошими оценками, примерным поведением и новой прической, решив подстричь длинные кудрявые волосы.

– Я подстригусь, – сообщила она о своем желании.

– Тогда я тебя поцелую! – со всей страстью ответил он.

Осенью она переехала в тот же интернат, и жизнь объединила их еще на один год учебы в виде завершающей школьной вехи Василька.

Полным ходом шла подготовка к выпускному балу – главному празднику года, организатором и идейным вдохновителем которого стал учитель истории Василий Андреевич Коновалов по прозвищу Пипин. Свое второе имя он получил в честь первого короля франков из династии Каролингов – Пипина Короткого, отца Карла Великого, жившего за семьсот лет от рождения Христова, и стойко перенесшего 27 лет безостановочных войн и предательств. Василий Андреевич был мастером своего дела – знающим историком и великолепным рассказчиком, а также красавцем-мужчиной, статным и высоким, поэтому дополнение «Короткий» всех очень веселило и иногда менялось в зависимости от настроения на «Длинный». Его очень любили дети, вспоминая спустя годы с большой теплотой и благодарностью. Василек потом часто рассказывал, как в один год выдалась очень снежная зима, и частный дом Пипина полностью покрыло трехметровым сугробом. Учитель не мог выбраться изнутри сам, и весь класс учеников, с нескрываемой жадой знаний, бросился вызволять любимого педагога из снеж-

² – стихи Василия Васильевича Бегишева.

ного плена, чтобы успеть в остаток урока с открытыми ртами услышать новые мастерски рассказанные исторические факты. Это был учитель с большой буквы, каких встретишь нечасто, и которые навсегда оставляют след сначала в детских, а потом – и взрослых душах.

Роли в спектакле давно были распределены, шли ежедневные репетиции, и близился долгожданный час Х. Василек не особо жаловал подобные мероприятия, считая их слишком массово-самодеятельными, более предпочитая камерные выступления. Он любил быть в центре внимания, когда восторженные взгляды и аплодисменты предназначались только одной персоне, поэтому от участия в спектакле отказался, предложив читать собственные стихи. Василий Андреевич ответил согласием, одобряя все проявления творческой инициативы. Недолго думая, Василек решил примерить на себя образ страдающего от неразделенной любви поэта, являясь к тому же большим поклонником творчества Сергея Есенина, репетировал перед зеркалом и со сцены:

«Весь день льет дождь, зимы не чувствуешь сегодня,
И ты меня совсем не ждешь, а мне обидно и немного больно.
О, сколько знаем мы друг друга, ответь мне, милая подруга,
Зачем ты мной пренебрегаешь, зачем любовь ты отвергаешь,
Зачем не хочешь полюбить и чувства все мои убить.

Кто я в твоём воображеньи, я просто точка в предложеньи,
Я пешка в битве королей, а ты царица всех полей.
Во мне горит любви пожар, и мне теперь ничто не жаль.
Мое плохое положение – сейчас я проиграл сраженье.
И сильно раненный иду, но я креплюсь, не упаду.

Сквозь бури, ветер и метели, я упаду к твоей постели,
Платочком слезы я утру и вновь воскресну, не умру.
Во мне ты душу разогрела, скажи, как это ты сумела.
Зачем покой мой забрала, любовью сердце обожгла.
Какой безумец я, дурак! О, разве это все не так?

Со мной ты просто пошутила, во что меня ты превратила:
Я словно тряпка волочусь, но ничего я не боюсь.
Где гордость юная моя? С тобой бы так не сделал я.
В такой ты роли хороша, но где же, где твоя душа?
Забывать весь этот маскарад я буду очень, очень рад.

Хотелось верить в сновиденья, о, Боже, где твое творенье,
Я часто вижу Вас во сне – и больно, и приятно мне,
А утром снова я мрачней, а иногда от зла краснею,
Меня не хочешь ты понять, не хочешь нежно обнимать,
Не хочешь ты идти одной дорогой, бываешь нервной, очень строгой.

А иногда со мной лукавишь, как будто в прятки ты играешь,
Не радость это, – огорченье, к чему такое увлеченье,
Здесь все смешалось, потемнело, и полюбить ты не сумела.
Любовь в грязи ты растоптала, об этом ты давно мечтала.

С собой ты сердце забрала, а мне ничто ты не дала».³

Читал он с эмоцией, растягивая слова, театрально закидывая голову и жестикулируя рукой, явно подражая известному поэту из его фантазий. Для выпускного вечера Василек выбрал классический комплект, состоящий из белой рубашки и черных брюк. Это сочетание было в его понимании самым торжественным и беспроегрышным, и напоминало черно-белую клетку любимых с детства шахмат.

А его муза и шахматная королева, Сашенька, уже несколько недель, задействовав всю женскую половину своей семьи, состоящую из мамы и старших сестер, готовила королевский наряд – шелковистое платье, красивой линией открывающее ключицу и изгиб плеч, и ниспадающее крупными волнами пышной юбки.

Теплым субботним вечером старшеклассники, их родители и весь педагогический состав шумно собрались нарядной толпой в актовом зале интерната, на стенах которого ярко пестрели шуточные стенгазеты с многочисленными фотографиями выпускников и учителей разных лет школьной жизни, воздушные шары висели разноцветными кистями винограда, готовые взорваться в любой момент от переполняющих эмоций. Громко играла музыка, фоном слышался смех, шепот бурных обсуждений и скопившееся в воздухе волнение последних приготовлений.

С вступительным словом вышел директор школы, потом выступили классный руководитель и остальные учителя. Василий Андреевич жестом скомандовал начинать спектакль, внутренне волнуясь, но не подавая при этом вида. Все прошло гладко, и завершилось бурей оваций с огромными букетами цветов для любимого учителя, слезами и объятьями. Никому не верилось, что птенцы выросли и вот-вот выпорхнут из школьного гнезда и уже завтра их жизнь станет другой. Этот взрослый мир одновременно манил и пугал своей неизвестностью. Завершающим аккордом вечера были выступления доморощенных талантов, а потом танцы – популярны в то время вальс, чарльстон и твист.

Василек выступал в самом финале, после веселой кадрили подруг Вальки Гусевой и Томки Лазаревой, вокального соло близкого друга Валерки Дубова и шоу фокусников из младших классов. Он сильно волновался, представляя на суд зрителя стихи собственного сочинения и оголяя тонкие струны ранимой юношеской души, тщательно скрываемые под маской дерзкого хулигана. Он открывал свою влюбленность и очень боялся показаться слабым и уязвимым, это было первое серьезное выступление Василька перед публикой. Несмотря на все волнение, держался он уверенно, органично вжившись в роль порывистого поэта, выходить из которой ему вовсе не хотелось из-за многочисленных поклонниц, окруживших после выступления плотным кольцом. Людка Торчинова и еще несколько одноклассниц с нескрываемым восторгом и обожанием буквально разрывали его на части, пытаясь отхватить напоследок хоть толику драгоценного внимания. Он купался в свете софитов обрушившейся на него школьной славы, не замечая стоявшую и наблюдавшую неподалеку Сашеньку.

Ей ничего не оставалось, как скромно отойти в сторону и быть более милостивой с двумя поклонниками, давно добивавшимися ее расположения. Это были Генка Трибунский – местный высокий красавец и Витька Щербаков, пониже ростом, но тоже вполне симпатичный. Они наперебой расточали ей комплименты и заранее занимали очередь в предстоящих танцах. Генка метил на вальс, считая себя наиболее подходящим для этого кавалером и танцевальным партнером, а Витька выбрал динамичный и зажигательный твист – на том они и порешили.

Приглушенный свет зала создавал особую незабываемую атмосферу, мягко освещая контуры танцующих силуэтов. Новомодный проигрыватель крутил черные диски грампластинок, издавая прекрасные музыкальные переливы. Школьные пары, вальсируя, кружились в танце. Сашеньке хотелось остановить мгновенье, чтобы внимательно зафиксировать в памяти все

³ – стихи Василия Васильевича Бегешева.

детали, которые она будет потом много раз пересматривать, прокручивая дорогую сердцу киноленту воспоминаний. Василек в какой-то момент протрезвел от нахлынувшей внезапно популярности поэта и стал искать Сашеньку глазами. Увидев ее беззаботно танцующей сначала с Трибунским, а потом – с Щербаковым, и снова – с Трибунским, он потерял контроль над своими эмоциями, разгоряченно выскочил на улицу, нашел секретное место, где птенцы перед вылетом из гнезда распивали домашнее вино и портвейн, налил себе полный граненый стакан и залпом выпил. На клочке бумаги вывел своим витиеватым почерком только что пришедшие на ум строки:

«Зачем ты встречи избегаешь, зачем меня ты наказать желаешь,
Я что-то здесь не понимаю и жизнь за это проклинаяю,
Я как во мраке, как во сне, о как противно, грустно мне,
Живу не днем – одним мгновеньем, а может быть твоим виденьем».⁴

Потом, подумав, зачеркнул и многозначительно написал следующее:

«Еще хочу я Вам сказать, что красотой меня пленили,
Хотел любимой Вас назвать, Вы этого не заслужили».⁵

Он передал эту записку через Юрку Северского и незаметно скрылся в густой темноте июньской ночи. Сашенька, получив послание, бросилась искать Василька, но ни в школе, ни во дворе его уже никто не видел. Она заплакала от обиды и чувства, что навсегда потеряла что-то важное в своей жизни. До окончания школы ей предстоял еще целый год и долгие одиннадцать лет до следующей встречи с Васильком.

⁴ – стихи Василия Васильевича Бегишева.

⁵ – стихи Василия Васильевича Бегишева.

Глава V.

1963 год. Игра с Арчи.

Черета карточных побед, снежным комом обрушившаяся на Василька, когда он приехал в город S, не затуманила ему мозг, и была скорее попыткой заявить о себе, получить оценку внешнего мира, таким своеобразным адреналинообразующим хобби. Ему нравились карты за возможность развития важных навыков: памяти, логического мышления, тактики и стратегии, а риск и стоявший на кону выигрыш придавали и многократно усиливали его азарт. Он учился управлять эмоциями, холодно рассчитывая возможные вероятности в процессе игры, тренируя при этом самообладание и непроницаемость. Василек обладал колоссальной фотографической памятью и интуицией, легко срывая маску блефа с лица соперника. Чаще всего он играл в очко, покер и преферанс.

В тот вечер он сел за один стол с известным самарским авторитетом того времени, карточным королем, – армянином по имени Арчи, приехавшим погостить к родственникам в соседний город на Волге и до которого дошли слухи о молодом парне, не знающем поражений и поднимающем крупные суммы за раз. Арчи был своим в разных общественных кругах: от криминальных околотиюремных до артистических – везде имел связи и контакты, а про поддержку и помощь дружной армянской диаспоре и взаимную любовь с ее стороны, – и говорить не приходилось. Одним словом, очень уважаемый человек. Играл он блестяще.

Они поздоровались за руку, почувствовав влажность ладоней, по-настоящему выдававшую силу волнения друг друга, пересеклись резкими взглядами двух пар карих глаз и синхронно сели за стол играть в очко. В повисшей тишине каждый слышал лишь стук собственного сердца, отбивающий эхо в ушах.

Жребий выбрал Арчи банкиром. Он, тщательно перетасовав и сняв карты, объявил уверенным голосом сумму банка в сто рублей, раздал по карте и Василек сделал ставку. Первой ему пришла восьмерка. Арчи посмотрел свою – туз. Он сдал по второй. У Василька – десятка. Арчи не сводил глаз с колоды, словно загадывая нужную карту, перевернул, тоже десять. Он набрал особую комбинацию – натуральное очко, 21 из двух карт – туза и десятки. Довольно выдохнув, выпрямил спину и расслабленно откинул голову назад. Василек напрягся, взмок, проигрывать он не привык. Повышая ставки, сыграли еще и еще. Напряжение нарастало с каждой раздачей карт, они собрали банк до «стука» – суммы, втрое превышающей первоначальную ставку банкира, – триста рублей. Неотвратимо близился финал. Горячий армянин нервно покашливал. Пошел последний круг. Первой у Василька зашла семерка, потом еще одна, он ждал третью, но пришла дама, в сумме 17 очков. Следующая карта была рискованной в этой ситуации. Ему нужен был валет или король, либо остановиться. Он прищурил глаза, как всегда в ответственные моменты, работая с памятью, пухлые губы превратил прикусом в нить и стал мысленно перебирать все карты, вышедшие из игры. Это растянулось, как ему казалось, в вечность, но заняло не более минуты времени, в висках стучало. И тут Василька осенило: «Король спасет даму!», он вспомнил вдруг девочек из своего видения и странную фразу, сказанную одной из них. Да, теперь он был уверен, следующим будет король, и попросил еще карту. Арчи сдал. Это был король, Василек сорвал банк.

Не передать словами, что происходило у него в душе. Он возвращался домой, покачиваясь, словно пьяный, смеялся и вытирал краем ладони влажные глаза, благодарил девочек за подсказку и понимал неслучайность происходящего.

«Это был не просто Его величество случай», – все больше убеждался он.

Глава VI.

1960-62 годы. Друзья. Армия.

После окончания школы сбылась Василькова мечта, и с наступлением сентября он приехал в S. Сделать это было непросто: уезжать из колхозов – в то время было запрещено, паспорта хранились в сельсовете. Ему и сестре Гальке повезло: они были детьми военнослужащего и уважаемого героя войны – им разрешили. Василек устроился на 105-й завод учеником наладчика станков и получил комнату в общежитии, в которой жил с Мишкой Плюшем, по паспорту – Сидоровым.

Давать меткие смешные прозвища окружающим людям – было его отличительной чертой: внимательно и с юмором подмечая детали, он видел самую суть и красочно выражал свои мысли, с ходу придумывая слова и эпитеты, которые потом становились неотъемлемой доброй характеристикой человека, вызвавшего эти ассоциации.

Вот и сейчас Мишка Сидоров – здоровый высокий парень с громким голосом и шапкой короткостриженных кудрявых густых волос, действительно похожий на плюшевого мишку, даже не подозревая, стал обладателем нового имени Плюш. Вместе они жили сначала в общежитии, потом, работая на одном заводе, получили распределение на строительство дома, в котором позже стали соседями. И когда Мишка Плюш мучился от абстинентного синдрома, в простонародье – похмелья, уже непьющий Василек сочувственно его выручал, спуская на веревочке с девятого этажа на восьмой спасительную стопку-другую.

Двоюродный брат Вовки Мороза имел классически красивое греческое имя Александр, но, с легкой руки, все его звали Аппашура. В детстве он немного заикался и на вопрос: «Как тебя зовут, мальчик?», отвечал «А..п..па..Шура». Это имя и прижилось.

Сашка Кульков за свою фамилию и любовь грызть семечки, доставая их из кулька, получил сокращенное «Кулек».

Сам Василек тоже мог похвалиться: в школе из-за аккуратной и отглаженной одежды, сшитой матерью, он был «Глаженный», а в деревне и общежитии – называли «Беганькой», то ли из-за повышенной шустрости, то ли из-за фамилии.

Эта веселая гостеприимная комната повидает на своем веку еще много друзей с колоритными именами и услышит не одну увлекательную историю. Тут шумно будут играть в подкидного и «забивать козла» во главе с Беганькой Эрик Татарин с Мишкой Плюшем, под звуки гитары провожать закаты – Вовка Мороз с Аппашурой, и тихо распивать беленькую, закусывая соленым огурцом и жареной картошкой, Очкарик с Косолапым. Все они в совершенстве овладеют правилами специальных жестов и тайных знаков, которые помогут им оставаться гостями в любое время суток и быть всегда начеку, а в самые неожиданные моменты – падать ниц, прячась под кроватями от вездесущего общежитского коменданта.

Приближающийся Новый год Василек отметил своим начальным профессиональным шагом из ученика в наладчики станков, получив в декабре первый разряд. В этот год он привыкал к самостоятельной взрослой жизни, поменяв место жительства на областной город, досконально изучая новое дело и вникая во все тонкости работы на большом стратегически важном для страны заводе.

Так прошел год, и в октябре он был «призван к строевой службе в рядах Советской армии и направлен в войсковую часть №83525» села Липовка Николаевского района Львовской области, ранее называемого по-немецки звучно Линденфельд.

Эти земли в разное время принадлежали Украине, Советскому Союзу, Польше, Германии, Австрии. Львов поразил стрелой в самое сердце Василька, остался в его памяти краси-

вейшим, пропитанным историей, самобытным городом, с поразительной архитектурой и европейскими мощеными улочками, по которым он гулял в свои короткие увольнительные. Потом, много позже, думая поехать на Украину в гости к сестре Лельке, он мечтал туда вернуться, чтобы вспомнить и краем глаза увидеть знакомые с молодости места. Спустя годы найдется еще одно объяснение, почему Василька так тянуло во Львов – именно там пролегал боевой путь его героического отца, который в составе войск 4-го Украинского Фронта в 1944-м шел через Львов на запад, освобождая Украину, Польшу, Чехословакию.

А пока Василий Бегишев был зачислен в войсковую часть №83525 как «радиотелеграфист постов поиска и перехвата радиотелеграфных передач и пеленгаторных постов частей «Осназ»» и в январе принял Военскую присягу.

Он приступил к службе, в которой его не пугали ни ранние подъемы с муштрой на плацу, ни ежедневно нудные замены воротничков и растиравшие ноги неопытно намотанные портянки, ни скромная однообразная еда, отбившая на всю жизнь охоту есть перловку. Больше всего Василька интересовала профессиональная сторона его военной специальности. И чтобы быть в этом лучшим, ему предстояло в совершенстве овладеть азбукой Морзе – системой кодировки символов короткими и длинными сигналами, «точка» – «тире» – для передачи их по линиям связи. Он знал, что скорость приема и передачи информации зависит от опыта и возможностей радиста, и в среднем составляла 60-100 знаков в минуту, но Василек ориентировал себя на самые высокие показатели и минимум, который ставил целью достичь, превышал ее в два раза.

Занятия проходили небольшими группами ежедневно по несколько часов.

– Самое главное, товарищи курсанты, – это регулярность и полная сосредоточенность во время занятий, а еще музыкальный слух! – любил говаривать их преподаватель, бывший фронтовик Николай Иванович Петренко или по-простому – Петруша.

Обучение «морзянке» началось с запоминания как цельных мелодий звуковых сигналов, соответствующих каждой букве и цифре. Для этого и требовалась, по мнению Николая Ивановича, определенная музыкальность. За один день курсанты учили по пять букв, не по порядку, а по частоте их использования, чтобы уже на начальном этапе учебы можно было составлять много слов и осмысленных фраз. К цифрам они приступили после изучения всех букв, и уже потом – к знакам препинания. На каждом занятии сначала тренировались в приеме, потом передаче изученных знаков, затем отдельно учили новые, принимая и передавая тексты только из них, и в конце перемешивали старые и новые. Для лучшего запоминания нового знака они многократно записывали его, фиксируя зрительно и на слух, повторяя при любом удобном случае, насвистывая и напевая, как звучат их имена и фамилии, знакомые надписи на предметах, заголовки газет.

Своим первым успехам они радовались как дети, постигая то, что прежде казалось невозможным, и каждый день, шаг за шагом, развивая память и слух, наращивали свое мастерство.

Василек с присущей ему страстью погрузился в изучение и освоение новой специальности, амбициозно готовя себя к лучшему результату – высшему баллу на экзамене. Он задействовал все внутренние ресурсы, данные природой, и переусердствовал. Организм стал давать сбой: участились головные боли, в висках бился ток от постоянных «точка-тире-точка» и он устал напевать эти «напевы». Несколько раз он пытался скрыть нарастающие приступы, боясь признаться себе и показаться слабым перед окружением. В итоге он был дважды госпитализирован.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.